

НОТМАН Р.

ГОСТЬ ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЫ

МОСКВА, как всегда, торопила. Он пришел в философское общество по делам, а задержался в нем по давнему увлечению. Он узнал, что вечером здесь будет концерт известного скрипача. От такого удовольствия Ладенко отказаться не мог.

Моцарт, Гайдн, Шостакович словно вливали в него силы. Но едва концерт закончился, как к скрипачу подскочил какой-то парень и почти закричал:

— Кому нужна эта ваша музыка? Сейчас мир слушает рок. Переучивайтесь!

— Моя музыка учит мыслить, — негромко ответил скрипач, но его услышал зал.

Учит мыслить... Иосаф Семенович Ладенко долго размышлял об этом микроспоре после концерта. В нем, думал он, отражается его жизнь: с военным детством, оккупацией, с особыми школами, где приходилось «перескакивать» через классы, с влюбленностью в музыку, математику, потом в логику, философию, наконец, в литературу, в культуру.

— В сущности, — говорит Ладенко, — я только к сорока годам стал понимать истинные горизонты философии. Увы, поздновато...

Его самокритичность поражает. Так строго оценивает себя доктор философских наук, профессор,

Он долго надеялся, что еще будет видеть. Но единственный глазик в райцентре честно признался:

— Оперировать не могу. У меня руки трясутся. Врачу было восемьдесят лет.

Тем временем уходили дни. Родственники договорились, что мальчика прооперируют в госпитале. Но когда его привезли, госпиталь уже передислоцировали — фронт спешил на Запад.

Три года после этого хлопец не учился. Ему шел тринадцатый год, когда он снова пришел в школу. А внешность его «вытягивала» на все восемнадцать лет. Его посадили сначала во второй класс, потом в третий, потом сказали, что переведут в четвертый, если он научится читать пальцами по Брайлю — по специальному выпуклому алфавиту для незрячих.

В этой ситуации Ладенко совершил третье «отступничество»: за четыре килограмма хлеба он выменял прибор, по которому учатся писать по Брайлю. Это был школьный дефицит. Увозить прибор из школы, да еще на каникулы, конечно, не полагалось. Прибор был всем нужен.

Товарообмен раскрыли. Долговязый паренек держал горький отчет.

софи рассказывали мне об удивительной работоспособности, общительности, культуре и доброжелательности Ладенко. Когда он увидел свои гуманитарные «пробелы», он засел за древнегреческие мифы, за Гегеля, за русскую классику. Никто не помнит, чтобы он подчеркнул свое особое положение. Ладенко помогало, конечно, что он философ, логик, математик. Он стал разрозненные знания как бы сцеплять в системы. Он анализировал логику мышления, стиль поведения политиков, ученых и назначивал пути, которые вели к повышению интеллектуального потенциала специалистов.

Появление ЭВМ привело к буму. В нем было много спекулятивного. Ладенко принялся изучать логику программирования, уяснять перспективы вычислительной техники. Так, от частностей он пришел к интеллектуальным системам. В науке профессор Ладенко широко известен именно в связи с этими системами.

— Понимаете, — уточняет он, — люди имеют разные возможности для развития. Многое зависит от того, какими средствами они владеют. Интеллектуальные системы — это коллектив, например, инженеров, учителей, журналистов, педагогов вуза, артистов театра или музыкантов симфонического оркестра. Так вот, чтобы система была эффективной, надо ее заранее спроектировать, проверить, опробовать, отладить. То есть загодя использовать все, что может повысить интеллектуальные возможности людей и эффективность имеющихся средств.

— А что же философы разрабатывают в этих системах?

— Мы занимаемся методологическими вопросами, помогаем увидеть саму систему в комплексе, ее структуру, составляющие звенья, технические средства, которые взаимодействуют и с людьми и друг с другом.

Беда в том, что люди часто не знают, что делать, с чего начать. У нас слишком долго процветал метод проб и ошибок. Давайте допустим, что уже существует институт интеллектуальных систем, который курирует тех, кто самые различные проекты проводит в жизнь, осуществляет на практике. Скольких бы мы могли при такой экспертизе избежать ошибок! Я знаю десятки случаев, когда на ЭВМ решаются тривиальные задачи.

— Форма новая, а содержание старое. Не так ли? Именно так. ЭВМ нужны для решения новых задач. Такие задачи надо прогнозировать, продумать, разрабатывать.

— Интеллект специалиста как бы глохнет на рутине. Это потери моральные и материальные. В рамках научно организованной интеллектуальной системы, как я понимаю, специалист чаще заглядывает в будущее. Ему интереснее, он плодотворнее работает.

— Да. Не случайно сейчас с нами, философами, все чаще сотрудничают чистые «технари». В Новосибирске это институты комплектного электропривода и связи, в Томске — институты химии нефти, систем управления, в Москве у нас широкие контакты со специалистами, большинство которых закончили физтех. Установились связи с учеными, инженерами Барнаула, Перми, Ижевска, Ленинграда и многих других городов. Наши подходы к интеллектуальным системам помогают быстро находить общий язык с естественниками.

— Иосаф Семенович! В Академии наук есть научный совет по кибернетике. Одна из подкомиссий совета — по проблемам исследования и организации интеллектуальных систем. Вы — председатель подкомиссии. Кроме того, Вы и председатель одной из секций в научном совете по проблеме искусственного интеллекта. Приплюсую сюда Вашу преподавательскую деятельность в университете, организаторскую работу по проведению всесоюзных конференций, выпуск различных сборников, подготовку аспирантов... Скажите, когда Вы все это успеваете?

— А почему вы решили, что я все успеваю? — вопросом на вопрос ответил Ладенко. — Впрочем, я стараюсь, спешу. И в своем институте истории, филологии и философии спешу, и в университете, и в командировках. Сейчас темп такой, жизнь такая. Перестройка.

— Вы считаете, что и вам она необходима?

— Она нужна всем. Стереотипы старых представлений сильны. Они загоняют в резервы, в запас то, что должно быть в деле. Задачи философии — взрывать эти стереотипы, так осмысливать жизнь, чтобы она развивалась по одному направлению — демократии, свободы, нравственности и независимости духа. Цели высокие, и поэтому надо спешить.

Р. НОТМАН.

ТРИ «ОТСТУПНИЧЕСТВА» ПРОФЕССОРА ЛАДЕНКО

окончивший школу с золотой медалью, а московский университет — с отличием, автор многих научных монографий. Но ученый считает, что его признание обоснованно.

— Видите ли, — поясняет он, — в школе моей страстью была математика. Я так натренировал себя в устном счете, что мой учитель Петр Федорович Палецкий два года тщетно пытался меня подловить. Своеобразная игра шла между нами. Она тоже стимулировала увлечение математикой.

— Однако тот же Палецкий, — продолжал рассказ ученый, — предупредил, чтобы я не переоценивал свои математические способности. «Ты не сможешь, — говорил он, — следить за доской наравне со всеми и будешь страдать. Выбери что-то не столь конкретное». Так я поступил на философский факультет МГУ.

Это было первое «отступничество» Ладенко. Точнее — уже второе, потому что еще раньше, в детстве, он отказался от музыки, которую любил самозабвенно. Он многие годы пел, играл на баяне даже, хотя на одной руке у него на два пальца меньше, чем у всех.

Увлечения детства учили многому. Но главное — учили мыслить. В пять лет он освоил грамоту и «глotal» книги примерно с такой же скоростью, как и при устном счете. Его познания приобретали масштаб, но не глубину.

— Я был достаточно самонадеянный мальчуган, — снова критикует себя Ладенко. — И за это жестоко поплатился. Едва прогнали фашистов, я познакомился с одним нашим майором-артиллеристом. У него было много книг по снарядам, минам, гранатам. Я их прочел и считал, что бояться мне нечего.

— Бояться! Что Вы имеете в виду!

— Боеприпасы. На нашей станции Лещиновка после ухода оккупантов осталось много бесхозных мин, гранат, запалов. Несколько ребят уже подорвались на них, и бабушка — она воспитывала меня, так как к тому времени родители уже умерли и я был сирота — строго предупреждала: «Смотри, не балуй! Вон сколько ребятни подорвалось». «Это дураки, — отвечал я самоуверенно. — Они ничего не знают, ничего не читали».

— Запал, — рассказывал Ладенко, — который я подобрал, был очень красив: никелированный блестящий, с идеально обработанными полями. Я его помню до сих пор, даже так хотелось сделать из него рефлектор для фонаря. Для этого запал надо было расковырять. И я доковырялся до... взрыва.

Так Ладенко в десять лет лишился глаз и двух пальцев. Это была по тем военным временам не очень заметная для других трагедия, но она не становилась менее значительной для мальчишки, только начинающего жить.

— Это был урок на всю жизнь, — с улыбкой вспоминает сейчас Иосаф Семенович. — Меня так отчистили, что это научило мыслить лучше многих учебников и лекций. Директором школы у нас работал человек склада Макаренко — Тихон Андреевич Галченко. Учитель не просто строгий, а скорее суровый, но исключительно справедливый. Он поставил передо мной задачи на лето. «Если решишь их, — пообещал он, — то перескочишь еще через один класс».

Он перескочил — выполнил контрольную на «отлично». Потом было еще несколько особых школ. Однажды, уже старшеклассником, он вдруг заметил, что ничего не понимает на уроках русского языка, литературы, истории. Все почему-то кажется ему одинаковым, повторяющимся, затуманенным.

— Видимо, — предполагаю я, — срабывал Ваш математический «флюс». Вы привыкли к конкретности...

— Возможно, — отвечает Ладенко. — Но я хотел учиться, и будущее мое зависело от тех оценок, которые ставили в школе. Ничего не оставалось делать, как приняться за конспектирование гуманитарных дисциплин. Помогло. Уже очередную четверть я закончил без троек. Однако настроенность к гуманитарному во мне долго сохранялась. Я помню, как решал за три минуты, но более, задачу по геометрии с применением тригонометрии. Этот математический уклон как-то придержал, притормозил мое философское становление. Ведь главный объект философии — различные формы общественного сознания: наука, искусство, право, религия... Философу необходимо в этом прекрасно разбираться. Спрашиваю у Ладенко, зная его редкую эрудицию:

— Что же Вы, Иосаф Семенович, не разбираетесь в этом!

— Сейчас, видимо, уже разбираюсь. Но многие годы для меня в философии был примат логики. Я занимался историей науки, математикой, основами геометрии, математической логикой. Я по образованию логик-философ. Послушайте, как звучит тема моей кандидатской диссертации: «Логический анализ оснований геометрии. (Опыт логического анализа «начал Эвклида»)».

— Как же Вы работали! Простите, но как Вы ходили по университету, по аудиториям, по Москве, наконец!

— Самостоятельно, — спокойно пояснил Ладенко. — Нужда заставит. Меня еще бабушка приучила к самостоятельности, а еще все доводило до конца, выполнять в срок.

— И Вам удается!

— Стараюсь.

Знаю: он действительно старается. Многие фило-